

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОЗЕ В. ШУКШИНА

Galina Binová (Brno)

Abstract:

Inner conflicts in Shukshin's pieces are connected with looking for answers to so called "cursed" questions, which concern the meaning of life and thoughts of death. In relation with classic traditions, author of article accompanies the existential torture of Shushkin's characters, their moral falls and illuminations. In final phase of writer's creational journey, the tragic intonations are getting thicker, and lead the heroes into exoneration through the torture.

Key words: Cursed questions, meaning of life, death, classic traditions, existential torture, tragic intonations, catharsis

Конфликт в произведениях Шукшина обычно внутренний – он в противоречиях и мытарствах самой природы. Мир любимых героев писателя – это мир, полный сомнений и противоречий, прежде всего с самим собой, своей совестью, природой, вечностью. Шукшинские «чудики» не умеют толком себя объяснить. Мы часто воспринимаем их только в комическом плане, их бунт порой кажется наивным, душевные страдания – надуманными. Но в том-то и дело, что это у них «страшно серьезно... просто на уровне жизни и смерти».¹ Они иногда и умирают «всерьез», отстаивая свою правду и свою индивидуальность. (Умирает деревенский философ Саня – «Залетный», стреляется бедовый Спирька – «Сураз», кончает собой, не выдержав добровольной каторги, Колька Паратов – «Жена мужа в Париж провозжала», погибает Егор Прокудин – «Калина Красная»).

Подспудное недовольство героев Шукшина выражает себя во всевозможных завихрениях, иногда смешных, но чаще трагичных. Не материальные трудности терзают их, материально шукшинские герои живут хорошо, даже презрение к деньгам проскальзывает у них. И тратят-то они не задумываясь, одним махом, убежденные, что деньги для того и существуют, чтобы их тратить. Все вроде есть. Но болит душа. Мучает внутренняя дисгармония и неудовлетворенность. Много самых разных «трудных» вопросов встает перед героями Шукшина, один из них – вечный вопрос о смысле жизни, с которым неразрывно связана одна из вечных тем – смерти.

Эта тема в русской литературе близка обостренному интересу писателей к экзистенциальным проблемам. Шукшин и здесь остается верен высоким классическим традициям. Пытливый человеческий разум всегда стремился понять не только жизнь, но и смерть во всей ее таинственной неизбежности. «Человека не стало. Всю ночь я лежал потом с пустой

¹ Аннинский, Л.: Путь Василия Шукшина. В кн. Тридцатые – семидесятые. Москва 1977, с. 260.

душой, хотел сосредоточиться на одной какой-то главной мысли, хотел – не понять, нет, понять я раньше пытался, не мог – почувствовать на миг, хоть кратко... чуть-чуть бы хоть просветлилось в разуме ли, в душе ли: что же это такое было – жил человек...» («Жил человек»). Сколько их в русской литературе – рассказов о прощании с жизнью, о краткости оставшегося на земле срока, о том, как все более истончается ниточка человеческой жизни. И каждый раз что-то вздрагивает и обостряется в нашем личном опыте, в наших нравственных воззрениях, ибо речь идет о единственном и неповторимом – человеческой жизни. Среди произведений такие шедевры как «Смерть» И. С. Тургенева, «Три смерти» Л. Н. Толстого, «Повесть о разуме» М. М. Зощенко.

Остро волнует эта тема, например, В. Распутина («Последний срок»), Е. Носова («Течет река»). Ощущение краткости оставшегося срока не покидает старика Устина («Течет река»). Течет река – утекает безвозвратно жизнь. «Считай весь желудок обрезали... – смеется Устин. – Штаны не держатся. Хоть к пупку пристегивай». И щемящая, пронзительная мысль: «Все останется: и дома, и речка, и корова... И будут жить другие люди...» Не хочется умирать. Смерть – горе, несет потерю самых близких и накатывается на оставшегося льдина одиночества. «Даже когда так прекрасно вокруг, и такая теплая, родная земля, и совсем не страшно на ней».² «Мается дед Нечай, не может смириться с мыслью, что нет Парасковьи, и уже не будет» («Горе»). И ходит на кладбище и разговаривает с ней как с живой. Рассказ ведется от лица двенадцатилетнего мальчика. И тем пронзительнее горе, что даже детская душа пропитывается им, стонет от жалости и сочувствия. «Я смотрел сзади на него, маленького убитого горем, и тоже плакал неслышно, чтоб дед подзатыльника не дал. Жалко было дедушку Нечая... Не было для меня в эту минуту ни ясной, тихой ночи, ни мыслей никаких, и радость непонятная, светлая, умерла. Горе маленького старика заслонило прекрасный мир».³ Незадолго перед смертью Шукшин пишет в дневнике: «Я – сын, я – брат, я – отец... сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно – уходить».⁴ Нет, не возьмешь здесь «билетик на второй сеанс». И если все-таки «уходить» надо, то не с нытьем и не со страхом.

В отношении Шукшина к смерти – проявление народных нравственных начал. Так сохраняет спокойное мужество просветленной перед смертью души старуха Анна в повести Распутина «Последний срок». Так же просто, как-то по-деловому принимает смерть и шукшинский старик («Как помирал старик»). У Распутина в повести усилено лирическое и философское звучание. Мысли Анны перед смертью глубоки, простираются до «ве-

² Шукшин, В. М.: Избранные произведения. В 2-х томах. Москва 1967, т. 1, с. 74.

³ Шукшин, В. М.: Избранные произведения. В 2-х томах. Москва 1967, т. 1, с. 76.

⁴ Шукшин, В. М.: Вопросы самому себе. Москва 1981, с. 247.

ковечной тайны». Писатель доверяет своей героине самые заветные думы о жизни, о смерти, о мире. У Шукшина же повествование более суровое, сдержанное, будничное. То, как умирает человек, многое проясняет в том, как человек жил. Разве не об этом – о том, что все вечно живет и умирает – только по-разному – мудрый рассказ А. Толстого «Три смерти»? И если не слишком уж осквернена была жизнь нечестностью, то мысли перед смертью полны не ужаса, а самых земных забот о тех, что остаются. Умиравший старик дает старухе практические наставления. «Перво-наперво: подай на Мишку алименты. Скажи: «Отец помирал, велел тебе докормить мать до конца». Скажи. Если он, окаянный, не очухается, подавай на алименты. Стыд стыдом, а жить тоже надо. Пусть лучше ему будет стыдно. Маньке напиши, чтоб парнишку учила. Парнишка смышленный, весь «интернационал» на зубок знает. Скажи: «Отец велел учить» – Старик устал и долго опять лежал и смотрел в потолок. Выражение его лица было торжественным и строгим».⁵

Сколь конкретной была жизнь, столь конкретна и сама приближающаяся смерть. Прощание с жизнью – это прощание с родным Домом. Писатели не раз подчеркивали нерасторжимую, органическую связь всего живого. Получилась жизнь, нет ли, умирать не хочется. И цепляется в отчаянии человек за все живое, хоть на миг хочет продлить сладостное и краткое – жизнь. В новелле О. Генри «Последний лист» есть подобный мотив. Умиравшая от пневмонии молодая девушка, хрупкая, бледная, сама, как трепещущий на ветру лист, считает опадающие с плюща листья и вся проникается мыслью, что умрет, как только полетит последний лист. Но наутро после дождя со снегом и всю ночь не унимавшегося ветра последний лист храбро держится на ветке. Этот лист стал последним шедевром старого художника. Через два дня после того, как он ночью под дождем написал лист плюща, художник умирает. А юная Джонси выздоравливает, последний лист вернул ее к жизни. У Е. Носова умирающий Устин надеется: Пока постоит тепло – поживет и он. У Шукшина умирающий старик думает: «Зимой хлопотно помирать-то». Умиравший Саня («Залетный») просит мужиков принести веточку малины и так хочет пожить еще немного, до лета. «Еще полгода! Лето... Ничего не надо, буду смотреть на солнце. Ни одну травинку не помню... Кому же это надо, если я не хочу?»⁶ Последний срок старухи Анны выпал на тихие ясные дни, словно сама Природа-мать подарила ей эти прощальные дни, выразив свою благосклонность к умирающей (В. Распутин, «Последний срок»). И не жалко, а прекрасно, что все остается. «Красота земли не увянет и не померкнет. А будет вновь и вновь являться

⁵ Шукшин, В. М.: Избранные произведения. В 2-х томах. Москва 1967, т. 1, с. 114.

⁶ Шукшин, В. М.: Избранные произведения. В 2-х томах. Москва 1967, т. 1, с. 185.

людям». «Хороша бы она была, если бы хотела, чтобы все на свете старело и умирало с ней», – пристыдит себя старуха Анна.

Нравственная просветленность нисходит на героев перед смертью. Более того, человек находит в себе мужество вспыхнуть перед смертью ярким пламенем – перед тем, как погаснуть навсегда. Таков рыцарский поступок немощного Устина, плывущего в ледяной воде, чтобы помочь своей давней и несостоявшейся любви – бабке Нюре (Е. Носов «Течет река»). Пусть не пламенем, но тихим светом своей души притягивает к себе умирающий деревенский философ Саня местных мужиков (В. Шукшин «Залетный»). «Он всех привлекал, – пишет Шукшин о Саньке. – Там, в той ограде, отдыхала душа». С Санькой открывалась мужикам какая-то высшая правда жизни: «Думалось – не думалось – хорошо, ясно делалось на душе, как будто вдруг – в какую-то минуту стал ты огромный, вольный, и коснулся руками начала и конца своей жизни – смерил нечто драгоценное и все понял».⁷ И если все-таки мы не в состоянии постичь смерть, то сама неминуемая смерть дает понять, что жизнь прекрасна.

Для многих рассказов Шукшина характерна фабульная незавершенность, даже внешняя безфабульность, «зарытые драмы», по выражению Немировича-Данченко. Таковы, например, рассказы Шукшина «Осенью», «Земляки», «Думы» и др., которые вводят нас в типично чеховскую атмосферу несбывшихся желаний, грусти от сознания прошедшей мимо жизни. Близки Чехову задушевность, негромкость голоса, доверительность тона, широкое использование внутренних монологов и солилогов главного героя. Сам конфликт здесь приглушен. И вырисовывается только в общем контексте, интонации, эмоциональной атмосфере рассказа. Э. М. Форстер, размышляя о «человеческом» аспекте романа – действующих в нем лицах – писал: «Роман основан на фактах плюс-минус какое-то неизвестное. Скрытая жизнь души скрыта по определению. Как только скрытая жизнь обнаруживает себя во внешних проявлениях, она перестает быть скрытой и переходит в область действий».⁸ В художественном произведении (если, конечно, автор этого хочет) читатель знает о героях все. Их внутренняя жизнь раскрыта перед нами так же, как и внешняя, не случайно порой нам кажется, что мы знаем о герое больше, чем даже о своих близких, ибо в реальной жизни не существует такого полного проникновения в чужой внутренний мир. Задача романиста, по Форстеру, и задача рассказчика, по Шукшину, в том и состоит, чтобы показать скрытую жизнь души в ее источнике. То есть горести, радости, мысли наедине с самым собой, которые в действительной жизни обычно не передаются гласности. В тоскливый осенний пейзаж вписываются невеселые думы и воспоминания бывшего

⁷ Шукшин, В. М.: Избранные произведения. В 2-х томах. Москва 1967, т. 1, с. 179–180

⁸ Форстер, Э. М.: Избранное. Ленинград 1977, с. 350.

Экзистенциальные мотивы в прозе В. Шукшина

колхозного активиста паромщика Филиппа («Осенью»). «Объятый заботами большого дела», исковеркал Филипп свою жизнь и жизнь любимой женщины. Долгие годы носит в себе горькую боль-змею, ноет душа. В один из промозглых осенних дней, когда «ветер пронизывал до костей, душа чего-то заскулила», перевозит Филипп на пароме мертвую Марью, самого дорогого человека, так и не состоявшуюся, по его глупости, любовь. «И опрокинулось на Филиппа все неизжитое жизнью, не истребленное временем, не забытое, дорогое до боли... Вся жизнь долгая стояла перед лицом – самое главное, самое нужное, чем он жив был... Он не замечал, что плачет. Смотрел вслед чудовищной машине, где гроб... Машина поднялась на взвод и уехала в улицу, скрылась. Вот теперь жизнь пойдет как-то иначе: он привык, что на земле есть Марья. Трудно бывало, тяжело – он вспоминал Марью и не знал сиротства. Как же теперь-то будет? Господи, пустота какая, боль какая!... Теперь ничего, надо как-нибудь дожить... Да тоже собираться следом. Ничего теперь не воротишь».⁹

Собственно формой этого и некоторых других рассказов Шукшина («Думы», «Дядя Ермолай», «Жил человек...» и др.) является «форма» души лирического героя со всем богатством его переживаний. При этом сюжеты даже лирического характера более напряжены и гораздо более аналитичны, чем, например, у представителей лирической прозы. У Шукшина действительность чаще показана отнюдь не в ее целостности и гармоничности, а в противоречиях и диссонансах.

В последних произведениях Шукшина трагический накал, несомненно, усиливается. С одной стороны, сатирическая сказка «До третьих петухов», в которой при всей палитре комических элементов атмосфера скорее трагическая; с другой стороны – «Кляуза», этот автобиографический рассказ-жалоба, почти трагический вопль. В сказке «До третьих петухов» чуть было не поглотила доверчивого Ваньку нечистая сила, черти, генетически связанные с бесами Достоевского и являющиеся для Шукшина новой ступенью образного воплощения и философского осознания зла. Не от физических унижений страдает более всего Ванька («Лучше бы уж избил», – говорит он после встречи с Горынычем), а тысячу раз горше моральные издевательства и унижения. Унижения чудики воспринимают-таки трагически. И мучаются, и терзаются они в поисках ответов на «проклятые» вопросы: откуда это в людях и почему? Сашка Ермолаев тщетно пытался пробить человеческую стенку хамства и угодничества хамству, он шел из магазина и «все изумлялся про себя, все не мог никак понять: что такое твориться с людьми?» («Обида») «Что с нами происходит?» – спрашивает Шукшин в своем последнем рассказе «Кляуза». Важно отметить одну и, пожалуй, главную

⁹ Шукшин, В. М.: Избранные произведения. В 2-х томах. Москва 1967, т. 1, с. 360.

особенность этого произведения – его подчеркнутую трагедийность. Беззащитность и боль выплескиваются в этом «невыведанном» произведении, какая-то пронзительная безнадежность звучит при встрече автора с лютой, нечеловеческой ненавистью остервенелой вахтерши. «...Ее победить невозможно... я вдруг почувствовал: что все, конец... Страшно и противно стало жить, не могу собрать воедино мысли, не могу доказать себе, что это мелочь. Рука трясется, душа трясется, думаю: «Да отчего же такая сознательная, такая в нас осмысленная злость-то?...» Это ужасно, я и хочу сейчас, чтобы вот эта-то мысль стала бы понятной: жить же противно, жить неохота, когда мы такие».¹⁰

«Кляуза» особенно страшна в своей обнаженной фактографичности и безыскусственности. Произведение написано словно на пределе сил, на последнем дыхании. Кажется, все обиды за человеческое несовершенство взял на себя Шукшин. Недоумение и протест сливаются воедино, писатель словно вызывает к людям, к человеческому в людях. Трагическое звучание этого произведения особенно скорбно и потрясающе, если учесть, что Шукшин умер через четыре недели после того, как «Кляуза» была напечатана в газете.

Судьбой Егора Прокудина («Калина красная») Шукшин продолжает в крайне острой ситуации свою излюбленную тему – человека «на изломе», когда, оказавшись на распутье, человек вступает на гибельный путь асоциальности. Вся жизнь пошла наперекосяк. «Душа его страдала от дикого несоответствия. Все поколения тружеников крестьян, кровь которых текла в жилах Егора, восстали против жизни паразита, какую он вел...».¹¹ В этом «диком несоответствии» – источник трагического конфликта «Калины красной». Трагическая вина Егора равносильна предательству, за которое он должен поплатиться. «...Можно уйти... но нельзя себя утратить как человека, потому что так или иначе придет за это расплата...»¹² – таков нравственный вывод произведения. Скорбными аккордами звучит финал. Это катастрофа. Но это и акт великого очищения грешной души через боли и страдания, падения и прозрения – то, что древние называли в трагедии катарсисом.

¹⁰ Шукшин, В. М.: Точка зрения. Рассказы, повести. Алтайское кн. изд-во, 1979, с. 390.

¹¹ Шукшин, В. М.: Нравственность есть Правда. Москва 1979, с. 324.

¹² Шукшин, В. М.: Нравственность есть Правда. Москва 1979, с. 234.